

84/2-632.1/6
У4/35

БОРИС УКАЧИН

БЕГ
АРГАМАКА

БОРИС УНАЧИН

БЕГ
АРГАМАКА

СТИХИ

Перевод с алтайского

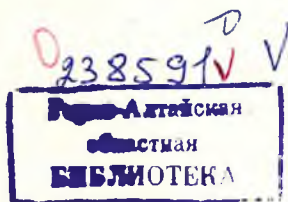
ИЛЬИ ФОНЯКОВА

24

Москва,
1975

Алт.
С (Сиб)
У 435

Укачин Б. У.

Бег аргамака. Стихи. Пер. с алтайского Фоняков И. О. М., «Современник», 1975.

95 с.

В новую книгу алтайского поэта вошли лучшие произведения последних лет.

Воспоминания о военном детстве, лирические портреты земляков — людей разных профессий, внутренний мир человека и мир окружающей его природы — вот круг основных пристрастий автора.

У 70403—117 213—75
М 106(03)—75

С (Сиб)

БЕГ АРГАМАКА

Аргамак!

Ты подобен звенящей струне!

На Высоком Алтае, в моей стороне,
С лучшей песней, с легендой, с мечтой наравне
Ходит добрая слава о добром коне!

Аргамак!

Твоя сбруя как солнце горит.

Ты к победе летел, уносил от погонь,
В сердце истых мужчин ~~твой~~ народ говорит —
Обитает сверкающий огненный конь.

Добрый конь да ружье — вот богатство мужчин,
Так издревле считают в моей стороне.
«Все, чем я дорожу, передам тебе, сын», —
Так, я помню, о них говорилось и мне.

И не даром, не даром в былые года,
Прославляя тебя, аргамак, аргамак,
Лучших слов не жалели певцы никогда —
Лишь красавиц возлюбленных славили так!

Заклубится дорожный встревоженный прах,
Да покажется в дымке, бывало, гонец —
И взволнованно смотрят селенья в горах:
Что за вести несет он для тысяч сердец?

Не пора ли для свадьбы варить араку?
Отыскался ли друг? Показался ли враг?
Счастье, горе, надежду, тревогу, тоску —
Все в веках мы связали с тобой, аргамак!

Аргамак!

То не ты ли в былые года

Весть про выстрел «Авроры» к нам в горы донес?

И победно воспрянул народ мой тогда,

Понял: кончилось время страданий и слез.

Но еще пригодились и конь, и ружье

Для борьбы за свободу в родимых местах,

И бойцы погибали за счастье мое —

Песнь о будущем стыла на мертвых устах...

Аргамак!

В сорок первом суровом году

Вновь отца уносил ты в решительный бой.

Не забыть никогда, как, держась за узду,

Мать прощалась в печали и с ним, и с тобой.

Длятся мирные годы в моей стороне,

Но покоя и нынче не знают сердца...

Я хочу по горам проскакать на коне,

Я сажусь на коня — вспоминаю отца.

В Каракольских горах, уж давно не юнец,

Я коня привязал и в раздумье стою.

Эту коновязь — помню — поставил отец.

И печаль наполняет всю душу мою.

Прорезают ракеты космический мрак,

И машины режут на дорогах земных, —

Но диктует мне ритм, аргамак, аргамак,

Стук подков, стук подков благородных твоих!

Ты — не лишний в наш строгий технический век,

Без тебя не смогу я на свете никак.

Никогда, никогда не прервется твой бег,

Сказка, песня, мечта, аргамак, аргамак!..

ПУТЬ ЯЗЫЧНИКА-АЛТАЙЦА

Я — алтаец, человек древний,
Так с чего же это я буду
Петь распятому Христу гимны,
Магомета почитать, Будду?

Ведь они передо мной — дети!
Без богов самим собой ставший,
Поклонялся я горам, рекам
И огню — они меня старше.

Я с природой был всегда дружен,
Я вверял ей свой земной жребий.
Из таких ручьев я пил воду,
Что не снились и богам в небе.

Ночью, слушая свое сердце,
Слышал смутно я веков гулы,
Наклоняясь к озерцам горным,
Видел древнего лица скулы.

Я — алтаец, человек древний!
В нашем веке, дав коню шпоры,
Перепрыгнул я веков бездны,
Перепрыгнул я эпох горы.

Обошел я, миновал бога!
Вечен я, а всякий бог — тленен!
Путь мой — с братьями вперед, к звездам!
Идеал мой — человек: ЛЕНИН!

НОЧЬ В ГОРАХ

Ночь. Алтай.
Луна — как сережка.
Четкий профиль горной гряды.
Можно трубку, привстав немножко,
Раскурить от любой звезды.

Тишина...
Но скажу одно я:
Кто нелепость придумал ту,
Будто можно, мол, тишиною
Звать
Лишь мертвую немоту?

Будь слова бездушные эти
В самом деле всегда верны,
Никогда, ни за что на свете
Не любили б мы тишины...

Встаньте рядом, дайте мне руки,
Я рассказывать вам начну:
Различимей дальние звуки,
Как сквозь линзу,
Сквозь тишину.

Вот марал протрубил на склоне,
Кедр под ветром запел струной.
Вот
На пастбище где-то
Кони
Бьют копытами в шар земной.

Тишина.
Колыханье веток...
И костры зажглись на земле,
И сквозь ветки мне виден свет их —
Весть о дальнем
Живом тепле.

...Если будете в нашем крае
И костер вам блеснет сквозь тьму —
Время попусту не теряя,
Поспешите в гости к нему!

Чашка будет.
И трубка будет.
Просто, искренне встретят вас
Чабаны — достойные люди, —
Как встречают меня сейчас.

Не спеша разговор наш длится —
Будем вместе встречать зарю...
Про ученье,
Про жизнь в столице
Я в подробностях говорю.

И невольно припоминаю,
Как была мне и там нужна
Эта чуткая и земная,
Эта горная тишина.

Здесь мой край. И совсем не чудо,
Что в рассветной плывущей мгле
Мне слышней бывает отсюда
Поступь Времени по земле.

СОЛЬ

Раз повстречался парень один
В горах со своей судьбой.
Она держала в одной руке
Сахар, в другой — соль.
«Что выберешь ты, — сказала она, —
То будет всегда с тобой!»
«Подумай теперь, — сказала она, —
И выбор сделать изволь».

Задумался парень. Думает час,
А может быть — два часа.
Судьба торопливо стоит и ждет:
Что скажет он наконец?
И чудится парню, что слышит он
Знакомые голоса.
«Сахар!» — совет подаст сосед.
«Соль!» — говорит отец.

И вспомнил парень рассказ отца:
Когда-то, давным-давно,
Не стало соли, кончилась соль
В один неудачный год,
И пропотевших людских одежд
Грубое полотно,
Без соли страдая больше людей,
Жевал ошалевший скот.

И уходили мужчины в путь,
Долгий, словно зима,

За солью, с виду такой простой
И драгоценной столь,
За солью, белой, как снег вершин,
Желанной, как жизнь сама..
Вспомнил парень и твердо сказал:
«Я выбираю соль!»

Он много троп и дорог прошел,
Он людям в глаза смотрел.
Он побратался с трудной, мужской,
Лучшей из лучших доль.
Он в реках тонул — и не утонул,
В огне горел — не сгорел,
Он жизнь до конца изведal на вкус:
И сладость ее, и соль.

Когда ж он закончил жизненный путь,
Став белым, как соль, как снег,
О нем говорили так земляки:
— Сегодня ушел от нас
Крепкий, как соль,
Нужный, как соль,
Товарищ.
Соль-человек!

А приторно-сладких, сахарных слов
Никто не сказал в тот час.

МАТЕРИНСКИЙ ПОДАРОК

Сядь поближе, мой русский друг,
посмотри на мамин подарок:
Он узорчат, цветаст и ярок,
пестрым бисером шит вокруг.

Треугольник из твердой кожи —
по-алтайски зовут: байры.
Весь расшитый, с игрушкой схожий,
он придуман не для игры.

Лет прошло с той поры немало:
я родился, и в должный срок
пуповина моя отпала
в некий зимний, вьюжный денек.

Мама в кожу ее зашила,
и при ней, обычай храня,
все, что надобно, положила —
от напастей беречь меня.

Красной меди там есть крупница.
Потому ей такой почет,
что ее, говорят, боится
самый хитрый алтайский черт.

Можжевельника там иголка —
по-алтайски зовут: арчин.
Если кто захворал надолго
и никак не найти причин —

можжевеловым синим дымом
курят в юрте, гонят беду..
Верит мама, что невредимым
с той иглой я всю жизнь пройду!

Есть и порох. Как же иначе!
Рассудила мама моя:
коль родился алтайцем — значит,
и охотником буду я.

И еще там доброй приметой
ячменя зашито зерно.
Знай: от голода в жизни этой
охраняет меня оно.

Чтоб всегда хорошо мне было,
чтоб всегда был светел лицом,
ничего-то мать не забыла,
позаботилась обо всем...

Суевериям нет возврата,
нет возврата былым годам,
но храню тот подарок свято, —
сыновьям его передам.

Б. А. Слуцкому

Часто я в снах моих вижу картину все ту же:
дивным алтайским альпийским лугам на ладони
с неба спускаются тихо и плавно, как души,
солнцеподобные, луноподобные белые кони.

Белые кони спускаются с неба кругами,
воздух вдыхают прохладный и девственно-чистый,
трогают землю — как будто целуют — губами,
мирно катаются в мягкой траве шелковистой.

Как хорошо мне! Господствуют в мире зеленом
чувство простора и светлое чувство покоя.
Слышу: кукует кукушка в лесу отдаленном.
Чутко ступая, косуля идет к водопою.

Мирные, нежные, душу влекущие звуки!
Будто вовеки на свете не ссорились, не воевали,
будто уж тысячу лет на земле нет ни горя, ни муки,
будто глаза мои жгучести слез никогда не знавали...

Смутно лишь слышится: ржут где-то кони — как стонут!
Гибнет на mine корабль, водяные воронки струятся,
в море бескрайнем беспомощно лошади тонут,
тщетно к зеленому берегу кони стремятся.

Только не верится этой мучительной были!
Бред мой, кошмар мой — видения странные эти!
Может ли быть, чтобы люди коней потопили?
Это, наверное, было не здесь, не на нашей планете!

— Здравствуйте!—я говорю, невесомые гривы лаская.—
Здесь я хозяин. Резвитесь, паситесь на лоне
вольных лугов лошадиного рая — Алтая,
солнцеподобные,

луноподобные

белые кони...

РОЖДЕННЫЕ ВЕСНОЙ

В сторону анкеты!

Суть — в одной
Истине, чей свет нам драгоценен:
Все, друзья, мы родились весной —
Той весной, когда родился Ленин.
...Волга билась в берег. Вся дрожа,
На ветру

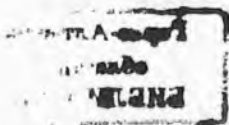
капель роняла ветка.
Русь плыла, как тяжелая баржа,
Сквозь туман трагического века.
А в долинах, где Катунь-река
Льется, вся от неба голубая,
Умирало счастье бедняка,
Как цветы под сапогами бая.
Старый мир бесправия и зла,
Смог ли ты почувствовать глубоко,
Что в тот день

через тебя легла
Трещина,
чуть зримая до срока?
Пролегла среди уличных торцов,
Потянулась к тюрьмам и кордонам,
Тронула фундаменты дворцов,
Снизу вверх взбежала по
колоннам...

Дед мой, живший от столиц вдали,
Гнувший спину, в кровь стиравший руки,
Знал ли ты, что в день тот обрели
Счастье

перодившиеся внуки?

Будоража старое житье,
Наводком врываясь на просторы,
Шла весна —
и первый гром ее
Грянул с борта
крейсера «Авроры»...
В сторону анкеты!
Суть — в одной
Истине, доказанной на деле:
Все, друзья, мы родились весной,
В том
бессмертном
ленинском
апреле!

Не сомневаюсь: если
Взглянуть со стороны,
Земля моя прекрасна
В цветном шелку весны.
Недаром, как мальчишки,
Светлы и горячи,
К ней взапуски несутся
Апрельские лучи.

Не сомневаюсь: если
Взглянуть со стороны,
Земля моя сияет
Куда светлей луны.
Не зря к ней ночью звезды,
Покинув высоту,
Слетают — и от счастья
Сгорают на лету.

Не зря, лишь только дождик
Пройдется по земле —
От имени Вселенной
И солнца в том числе,
Уткнувшись в грудь земную,
Где травы и дома,
Ее целует радуга —
Красавица сама!

А для меня планета
Прекраснее вдвойне:

238591

Ведь я живу не где-то,
Живу не в стороне,
Она при мне, со мною,
И в сердце и в горсти...

Ах, до чего же славно
Мне по земле идти!

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Снег весной! Прогнозам вопреки,
Мокрый, он к асфальтам припечатан...
Под окном идет игра в снежки.
Весело ребятам и девочкам!

Только мне уж третий день, считай,
Не до их веселой перебранки:
Снова мне привиделся Алтай,
Пастухов далекие стоянки.

Я-то знаю, как в такие дни
Пастухам тревожно! Как все чаще
Взгляд отводят в сторону они
От скотины, горестно мычащей.

Им опять, откашлявшись, встать,
И на склонах, вровень с облаками,
Травы из-под снега доставать
Красными от холода руками.

Неужели там и в этот год
Смотрит небо словно исподлбья
И люет востер и несет
Мокрые бесформенные хлопья?

Мне обидно: я гляжу в окно —
Под бесцветным кровом небосвода
Фабрикам кирпичным все равно,
Какова на улице погода!

Пусть меня поймет рабочий класс!
Не скажу о городе худого,
Просто-напросто во мне сейчас
Сын пастуший вдруг проснулся снова.

Мчись, душа, ветрам наперерез,
К нашим рекам, быстрым и холодным,
В те края, где люди снег и лес
Знают не по шишкинским полотнам!

Если снег идет в родных горах —
То и мне безрадостно и зябко..
Эх, сейчас буренке бы в руках
Протянуть душистую оханку!

Но родные горы — далеки.
Лишь над корпусами, гаражами
Снег летит и падает. В снежки
За окном играют горожане...

КАДЫН-БАЖИ¹

Кадын-Бажи, Кадын-Бажи,
Ты выше всех вершин Алтая.
Зовут нас, гранями блистая,
Твои седые рубежи.

Туда, к высотам, труден путь!
Недаром на твоём отроге,
С утра взойдя, на полдороге
Садится солнце отдохнуть.

Кадын-Бажи, весна пришла.
Шумит она в долинах края,
А ты стоишь, белым-бела,
Весне земной не доверяя.

Но чем гордишься ты? Смотри
Почаще в небо голубое:
Высоко в небе над тобою
Летают сверстники мои!

И звездам явственно слышны
Моторов яростные гимны.
Но мы по-прежнему земны,
Как встарь, щедры, гостеприимны.

¹ Кадын-Бажи — Гора Белуха, главная вершина Алтая.

Ты в малом народе, товарищ, родился,
живи же, людскому подвластный суду,
так, чтобы народ твой тобою гордился,
ведь в малом народе мы все на виду.

Легко и свободно шагай по планете,
но помни повсюду родимый свой край
и в буйном, порывистом ветре столетия
алтайскую шапку свою не теряй!

У КОЛЫБЕЛИ СЫНА

Мальчик, сын мой, ты знаешь, как быть
человеком не просто?
Ты лежишь в колыбели алтайской из нежной
бересты,

Над тобой небеса идилически заголубели...
Но еще покачашься ты и в иной колыбели!
Жизнь — я знаю, мой мальчик! — поступит
с тобой, как со мною:

Раскачает —
от гор до морей,
от мороза до зноя,
Испытает надежность упрямого сердца и рук.
— Кто ты? — спросит она. И кому-то
ответишь ты: — Друг!
— Кто ты? — спросит она. И кому-то
ответишь ты: — Враг!

Ты пойдешь на охоту — найдет она холод
и мрак,
Измотает, в трех соснах закружит,
оставит без пищи —

И внезапно блеснет золотым огоньком
В тьмнотише.

И тропинку положит к ногам. И, на диво
щедра,

Крепкой дружбой мужскую тебя одарит
у костра!

Это жизнь — все она! — соблюдая закон
поколений,
У могилы отцовской поставит тебя на колени.
Знаю: трудно. И все ж заклинаю всей
силой любви:
Сын мой, мальчик, меня обязательно
переживи!
Пусть в потомках стократно разрез моих
глаз повторится!
Пусть бессмертная жизнь, как великое чудо,
творится!
А каким языкам тебя, мальчик, научит она!
Есть приятный и легкий язык Молодого Вина,
И земной, не стареющий, вечный язык
молока.
И, конечно же, Хлеба —священное нет
языка!
Обучайся, мой мальчик! Но помни, что
с давних веков
Посвист пухля — это тоже один из ее языков,
И еще не забыт он, язык тот недобрый.
Доныне
Часто жизнь пахнет Смертью не только
в безводной пустыне.
Видишь — стелется дым от пожаров по черной
земле,
Язычки синеватого пламени пляшут в золе.
Жизнь, бывает, обманет и ложью твой
путь затуманит,
Но и правдой жестокой не меньше
по-своему ранит.
Чтоб тебя никакая беда одолеть не смогла,
Нужно жить человеком,
добро отделяя от зла,
Это трудное дело. Не всем по плечу
и по росту.

Но ведь я говорил же, что быть Человеком —
не просто.

На прекрасной земле
в наш нелегкий, ответственный век

Важно быть Человеком.
Будь счастлив, мой сын, Человек!

В БЕССОННУЮ НОЧЬ

Не уснуть мне этой ночью, вижу!
Глядя сквозь окошко в темноту,
Снова я тебя воочью вижу,
Мой товарищ, павший на посту,
На своем, рабочем, на высоком,
Там, в горах, в одну из непогод...

Вновь гощу я в доме одиноком,
Где тоскует мать не первый год.
Не привыкнут матери к утратам!
А братишка, плащ мой беребя,
Вдруг назвал меня, как брата — «братом»:
Я ему напомнил про тебя.

О тебе тоскует чистый, гладкий
Стол широкий — для трудов и дум,
О тебе тоскует каждой складкой
Выходной отглаженный костюм.
За окном неистовствует вьюга,
Мой недавний заметая след.
— Спи спокойно, — говорю я другу, —
Это нам, живым, покоя нет.

Уж не раз тревога дула в трубы,
Вспыхивали зарева вдали.
Ты не знаешь, друг мой, что от Кубы
Мы беду однажды отвели.

Ты не знаешь, друг, что во Вьетнаме
По земле, как разъяренный зверь,
Пробегало гибельное пламя —
И оно погашено теперь!..

Все, что совершается на свете,
Все, что совершается во мне,
Говоря с тобой в минуты эти,
Я острее чувствую вдвойне.

Холод стекол трогаю рукою,
Злится выюга, воя и сипя..
Нет, нельзя мне думать о покое —
Я живу не только за себя!

Помнишь, Коля, как съехались мы на Тверской,
Кто откуда, со всей бесконечной страны,
Помнишь долгие споры над чьей-то строкой
И надежды, которых мы были полны?

Мы росли,
становились умней и взрослей,
И сближались народы, сближались края.
По соседству с твоею

«Звездю полей»¹

«Ветка горного кедра»²

качалась моя...

Помнишь — мы по Алтаю бродили с тобой.
— Что за дивная силища в этой волне! —
Ты сказал о Катуне моей голубой,
И не скрою,
что это понравилось мне.

Полюбилась тебе наших гор тишина.
— Я еще непременно приеду сюда!.. —
Заверял ты меня,
и твоя ли вина,
Что теперь не приедешь уже никогда.

И не верится мне, что с тобою вдвоём
На земле, где ты голову гордо носил,
Мы уже никогда-никогда не споем:
«...И архангельский дождик
на меня моросил...»

¹ «Звезда полей» — книга поэта Н. Рубцова.

² «Ветка горного кедра» — книга Б. Укачина.

НА ОСЕННЕМ РЫНКЕ

Я люблю осенние базары —
Рад по ним шататься хоть полдня!
Волны остывающего жара
Обдают

со всех возов

меня.

Вот лежат арбузы, полыхая
Мякотью...

Какие толстяки!

Будто на прилавок, отдыхая,
Положили головы быки.
Здесь, как в чаще, узкая дорожка,
И базар,

как добрый лес, гудит.

Крупная,

глазастая картошка

Из мешков на горожан глядит.

Вот старик,

лукаво дрогнув бровью,

В круг — на пробу — яблоко пустил:

— Ешьте, покупайте на здоровье,

Новый сорт, сам вывел, сам растил!—

Но ловлю внезапно в общем гуле

Крик, летящий в сторону мою,—

Словно в спину кулаком толкнули:

— Подходите! Землю продаю! —

Оглянулся...

Парень, сбитый плотно,

(Что ни слово — по сердцу ножом)

Поясняет каждому охотно:

— Как же!

Настоящий чернозем!

Сам привез! Для комнатных растений! —

Говорит, угодливо юля.

...Я стою, взволнован и растерян:

В банках, в крынках —

вот она, земля.

Та, что мной любима, по которой

Сделал я когда-то первый шаг!..

И молчу, расплакаться готовый,

«Покупайте землю!» —

как же так?

Может, я насмешки чьей-то стою,

Может, лишним пафосом грешу.

Но тогда хотелось мне, не скрою,

Рот набить землею торгашу,

Чтобы вкус ее нелегкой соли

Научился парень понимать!

Подхожу — как будто из неволи,

Из недоли

собственную мать

Выкупаю!

Не сказав ни слова,

Из кармана деньги достаю.

Мне рублей не жалко,

лишь бы снова

Не услышать:

Землю продаю! ,

НА ОСЕННЕМ РЫНКЕ

Я люблю осенние базары —
Рад по ним шататься хоть полдни!
Волны остывающего жара
Обдают

со всех возов

меня.

Вот лежат арбузы, полыхая
Мякотью...

Какие толстяки!

Будто на прилавок, отдыхая,
Положили головы быки.
Здесь, как в чаще, узкая дорожка,
И базар,

как добрый лес, гудит.

Крупная,

глазастая картошка

Из мешков на горожан глядит.

Вот старик,

лукаво дрогнув бровью,

В круг — на пробу — яблоко пустил:

— Ешьте, покупайте на здоровье,

Новый сорт, сам вывел, сам растил!—

Но ловлю внезапно в общем гуле

Крик, летящий в сторону мою,—

Словно в спину кулаком толкнули:

— Подходите! Землю продаю! —

Оглянулся...

Парень, сбитый плотно,

(Что ни слово — по сердцу ножом)

Поясняет каждому охотно:

— Как же!

Настоящий чернозем!

Сам привез! Для комнатных растений! —

Говорит, угодливо юля.

...Я стою, взволнован и растерян:

В банках, в крынках —

вот она, земля.

Та, что мной любима, по которой

Сделал я когда-то первый шаг!..

И молчу, расплакаться готовый,

«Покупайте землю!» —

как же так?

Может, я насмешки чьей-то стою,

Может, лишним пафосом грешу.

Но тогда хотелось мне, не скрою,

Рот набить землею торгашу,

Чтобы вкус ее нелегкой соли

Научился парень понимать!

Подхожу — как будто из неволи.

Из недоли

собственную мать

Выкупаю!

Не сказав ни слова,

Из кармана деньги достаю.

Мне рублей не жалко,

лишь бы снова

Не услышать:

Землю продаю!..

Душе всегда
 Чего-то не хватает,
 Не кровь — огонь
 Летит, видать, по жилам!
 Я в городе тоскую
 По Алтаю,
 По стойбищам зеленым,
 По аилам.

Вернусь домой,
 Где в серебре вершины —
 И вот уже
 О городе тоскую,
 Во сне я вижу
 Улицы, машины
 И тесноту людскую
 Городскую.

Я так живу!
 Я не могу иначе!
 Спешу вперед
 Упрямо и неробко.
 И строчка,
 Что вчера была горячей,
 Сегодня —
 Как исхоженная тропка.

Мне виден перевал —
 За перевалом,
 Иду, иду,
 В своих уверен силах...

Я не могу
Довольствоваться малым,
Не кровь — огонь
В моих клочках жилах.

СТИХИ О КОНЕ

Кони, кони алтайских, отеческих гор!
Я с младенческих дней вам товарищем был.
Побродив и поездив по свету,
с тех пор

Много видел я, кони,
но вас не забыл.
О игрушки мои — бабки диких косуль!¹
В каждой косточке, помню,
я видел коня.

А позднее —
стремительней ветра и пуль
Неоседланный конь
нес мальчишку,
меня.

Там на каждой тропе —
ваш отчетливый след,
Там, на волны кося понимающий взгляд,
Утром кони из речек
пьют горный рассвет,
Вечерами
из речек
пьют горный закат.

Мы беседуем с ними
на «вы», как с людьми,
Уважительный, добрый обычай храня...
Но забыть не могу я — читатель, пойми! —

¹ Бабки диких косуль — любимые игрушки детей на Алтае. Обычно в играх они обозначают различных животных.

Как недавно

я в городе встретил коня.

Запряженный с утра, в след машинных колес

Он ступал тяжело.

Он дышал тяжело.

И пустые бутылки он в ящиках вез —

Громыхало,

звенело и пело

стекло.

Я в глаза поглядел мимоходом —

и вдруг

Убедился: не видят, уснули глаза!

Что приснилось тебе,

добрый старый мой друг!

Может, утро в горах

и на травах — роса?

В такт кивая шагам, по асфальту бредешь,

Гул трамваев и запах бензина терпя...

О товарищ мой,

как на тебя я похож!

О, насколько же я не похож на тебя!

СТАРИК

Осень листья желтые роняла,
Но еще далек был первый снег.
Сотню лет прожив — совсем немало! —
Умер на Алтае человек.

Умер дед,
 могучим кедром равный,
Вся деревня говорит сейчас:
— До чего ж он добрый был и славный,
Ах, как рано он ушел от нас!..

Это слово, может быть, дороже
Всех посмертных мыслимых наград:
Целый век — немалый срок,
и все же
«Ах, как рано...» —
люди говорят.

Что ж на свете совершил такого
Он, земного шара старожил?
Просто жил достойно и толково
И в горах отару сторожил.

Просто жил, пустого не болтая,
Просто был, считая труд за честь,
Чабаном, какие на Алтае —
Оглянись — в любом колхозе есть.
Просто жил, отцом и дедом звался,
Людам верил и за много дней

Сердцем

с ложью

никогда не знался.

Потому что не нуждался в ней.

Просто жил...

Неслышно мчались годы,

Множились морщины, и сейчас

Он лежит, прямой, длиннобородый,

С трубкой разлученный в первый раз.

Он с людьми сегодня расстается,

Не вздохнет и не поднимет век...

Но в сердцах, как прежде, остается

Он,

земляк мой,

вечный человек.

Я — горного кедра колючая ветка!
Расту. Зеленею. И с первого дня
Гроза надо мной пролетала нередко
И молнии косо метала в меня.

Я знаю: цветут по долинам березы.
Я знаю: шумят в городах тополя.
Там ветры потише, помягче морозы,
Там корни щедрее питает земля.

Но я вот привычней к суровой природе,
К неласковой почве, к высокой свободе,
Где рядом орлы и орлицы парят.
Не мне, извините, расти в огороде,
Не мне, уступая погоде и моде,
Менять по сезону свой цвет и наряд!

Люблю на осеннем рассвете проснуться,
Услышав раскатистый лыстрел ружья.
Люблю — пусть единожды в год! —
прикоснуться
К руке зверолова, шершавой, как я.

Когда же в долины устало и хмуро
Спускается сумрак — люблю до утра
Предания слушать под звуки топшура,
Дыша горьковатым дымком от костра...

Секло меня, било дождями и снегом,
Но я продолжаю — назло! — зеленеть.
Я — горного кедра, одетого небом,
Колючая, гордая, крепкая ветвь!

В расселины камня вцепившись корнями,
Упрямые соки по жилам гоня,
Зажег он меня, как зеленое пламя...
Из сердца однажды он создал меня!

Как ветер ни свищет, как вьюга ни злится —
Мне стойкости хватит на битву с судьбой.
Я с кем-нибудь даже смогу поделиться...
Мой друг неизвестный!
Быть может, с тобой?

СЛЕПОЙ ПОЭТ

Запрокинув лицо, без пальто, налегке,
По бульвару столичному тихо и строго
Он проходит —
и черная палка в руке,
Как фонарик,
ему освещает дорогу.
Мы глядим ему вслед.
Мы глядим — и молчим.
Так с рожденья
без света

живет он на свете.

Не видал он родных материнских морщин,
Солнца, неба
И собственных строчек в газете.
Но стремительной жизни зовут голоса —
И на них откликается сердце.

И резче

Прорезаются
в копчиках пальцев
глаза,

И становятся видимы люди и вещи.
Видят клейкие иглы на ветке сосны,
Видят старого клена морщинистый панцирь,
Видят нежную руку любимой жены
Эти чуткие пальцы, волшебные пальцы.
Кто придумал, что звезды ему не горят?
Он их чувствует кожей!

Без поток фальшивых

Набежавшие ветры ему говорят
О цветах, магазинах, дорогах, машинах.

Он не станет слезу проливать над собой,
У него, человека, решительный нрав:
Разругавшись однажды с неправой судьбой,
Больше с ней не желает иметь разговоров!
Черной тряпкой глаза повязав поугру,
Захотела смирить человека?

Не выйдет!

Зрячий сердцем, поэт не приемлет игру
В эти подлые жмурки!

Он хочет — и видит!

О, взгляните же в это лицо наконец,
Осторожные люди, на чувство скупые:
Если видеть, как зрячий, умеет слепец —
Стыдно зрячим ходить по земле, как слепые.
Вот смотрите сюда: без пальто, налегке,
По бульвару столичному

тихо и строго

Он проходит —

и черная палка в руке,

Как фонарик, ему освещает дорогу...

Мой Алтай! Поклон тебе от сына!
 Песней стань! Войди в мои стихи!
 ...Облака в небесной чистой сини
 Бродят, словно овцы по степи.

Я сегодня вижу как впервые:
 Вдалеке долины пролегли,
 Как морщины мудрости живые
 На большом лице моей земли.

Задремали горы-великаны,
 Лишь один, ко сну не отходя,
 Уч-Сумер — водитель каравана —
 Курит трубку синего тумана,
 Значит, жди к полуночи дождя...

Мой Алтай, прекрасный, как сказанье!
 Сколько тайн здесь ждет еще сейчас
 Взгляда изыскателя, касанья
 Рук рабочих, твердых, как алмаз!

Мой Алтай!
 Я — сын твой. Потому-то
 Зависти питать не стану я
 Ни к Катунь светлой, ни к Аргуту —
 Пусть бегут в далекие края!

Я бреду в родной тенистой чаще
Я стихи читаю...

А у ног
Ясный-ясный, чистый и журчащий
Вьется безымянный ручеек.

Мне судьбы красивей и чудесней
Не придумать — сколько ни мечтай:
Быть, как он,
живой, прозрачной песней
Гор твоих, лесов твоих,
Алтай!

СЛЕЗЫ

Ты знаешь, что разные слезы бывают...

Бывает —

Они, как свинец, убивают,

Бывает —

Как дождь в раскаленные дни,

Надежду и жизнь

Возвращают они.

Ты видел, товарищ, как плачут мужчины?

Их слезы — тяжелые слезы.

Морщины

От них на щеках остаются навек,

Как русла бесплодные высохших рек.

Ты знаешь, что разные слезы бывают.

И разно они

На глаза наплывают:

Темны, как измена,

Светлы, как лучи,

Как смерть, холодны,

Как любовь, горячи.

Сумел бы немало про них рассказать я!

Нежней, чем объятье,

Черней, чем проклятье,

Бывают они.

И неясен ответ:

Как все-таки —

Верить слезам или нет?

Но, может, важнее всего для поэта:
Людей повидавши,
Объехав полсвета,
Под кровом, что намятен с детской поры,
В слезе материнской
Увидеть
Миры!

ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК

Где же ты, мой голубой цветок,
Где же ты, бессмертие мое,
Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острее?

Я ищу не первый год подряд.
Где же лепестки твои горят?
Ты отводишь горе, говорят,
Юность возвращаешь, говорят!

Не цветешь ты в комнатном тепле.
Не даешься в руки за рубли.
Сколько смелых на пути к тебе
Снежные лавины погребли!

И поныне этот путь не прост.
Торопясь к тебе, моя мечта,
Я спугнул немало тихих звезд,
Мирно спавших на краю хребта.

К тем вершинам, где живут орлы.
Вновь спешу я нынче за тобой.
Где, в какой расселине скалы
Ты расцвел, цветок мой голубой?

Может, с наковальни кузнеца
Ты дымком поднимешься к звезде?
Может быть, взойдешь, томя сердца,
В этой строчке, словно в борозде?

Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие —
Отзовись, мой голубой цветок,
Отзовись, призвание мое!

ЗНАКОМОЙ СИНИЧКЕ

Где ты, резвая синичка?
У меня уже давно
Есть хорошая привычка:
Ждать, когда же ты в окно
Стукнешь клювиком!

Бывало,

Постучишься ты слегка —
И радушно открывала
Форточку моя рука!
Я признаюсь откровенно:
В этом комнатном тепле
Телевизора антенна
Загрустила о тебе!

Помнишь: выюга ли шумела,
Подступал мороз к жилью, —
Ты всегда найти умела,
Птичка, форточку мою.
Что случилось?

Может, конике

Ты досталась на обед?
Может быть, в другом окошке
Пищу, ласку и привет
Ты нашла? Черствеют крошки,
А тебя — все нет и нет...

Или в том, синичка, дело,
Что за стенами жилья
Посветлело, потеплело —
И тебе не нужен я?

Я на землю раз прилег весной.
Правотой своей извечной правы,
Вспарывая с треском пласт земной,
Словно сабли, поднимались травы,

Вкруг меня, вблизи и вдалеке,
Лезли, торопливы и упрямы,
Льнули, чуть шершавые, к щеке
И меж пальцев прорастали прямо.

И простые первые цветы,
В городах известные едва ли,
В неизбывной жажде высоты
Тоненькие стебли выпрямляли.

Верили светло и горячо,
Радостные стряхивая слезы,
И цвели — не знавшие еще
Ни дождя, ни ветра, ни мороза.

Мир лежал в сиреновом дыму,
И, сказать по правде, был несносен
Мне мой скучный жребий — одному
Знать о том, что есть на свете осень!

На тебя загляделся Алтай,
Ты на диво светла и юна.
Ты — как горный цветок — танталай,
Ты — как птица тайги — агуна.

Вдоль таежных грохочущих рек
Ты проходишь в одежде простой,
И лицо, словно выпавший снег,
Дышит нежностью и чистотой.

Ты выводнишь отару в луга,
А когда, золотые, с каймой,
Запылают огнем облака,
Возвращаешься с нею домой.

Где-то полночь ступает, темна,
По следам отшумевшего дня.
Ты не слышишь ее. Ты одна
Тихо с книгой сидишь у огня.

Ах, как хочется все повидать,
Побывать далеко-далеко!
Но больна твоя старая мать,
И прожить ей одной нелегко.

Пробудилась тайга. Облака,
Розовея, проходят над ней.
Начинается день, как река,
Что летит, грохоча, меж камней.

Ты еще не проснулась?.. Вставай! —
Плещет в берег, волнуясь, волна.
Ты — как горный цветок — танталай,
Ты — как птица тайги — агуна.

Осень.

Пусто в горах.

У бегущей воды —

Хоть еще не застыла —

стада не теснятся.

Их прощальные,

вмерзшие в землю

следы

Под покровом снегов

до весны сохраняются.

Старый кедр недовольно шумит на ветру.

Все березки стоят беззащитны и голы.

Смотрит в юрту бродячий туман поугру —

Ни души.

И скучают, как женщины, горы.

Словно вдовы, стоят неподвижно-тихи,

А кругом, по долинам — ни слова, ни смеха.

— Эге-гей! — я кричу. — Где ж вы все,

пастухи?!

Эге-гей!

Эге-гей! —

откликнется эхо.

Каярлык, Каярлык, Каярлык,
Ты — мой первый младенческий крик,
Ты — улыбка мамы моей,
Ты — глаза родных и друзей!

Я приеду — и для меня,
В милых, отчих местах гостящего,
В табуне поймают коня —
Пританцовывающего,
блестящего.

Пригласят прогуляться тайгой
(«Ведь еще ты, — скажут, — не стар!»)
Два дружка моих:
первый — Токтой,
А второго зовут —
Коммунар.

И горами, где в детстве я пас коней,
Я поеду, старые тропы найду,
К роднику целебному среди камней
Я, взволнованный, припаду.

Возле кедра,
чьи ветви давали мне кров,
Если он доселе жив и здоров,
Разобью привал,
костер засвечу...

Ну, а если упал он —
постою, помолчу...

Если ж в горы, в тайгу не смят меня,
У кого заночую на этот раз?
В каждом доме есть у меня родня,
Род телесов — мой род — в годах не угас!

Все, как есть, про жизнь мою расскажу,
Узелки печалей моих —

развяжу

И пригублю с открытой, чистой душой
Чашу дружбы светлую — чоочой...

Каярлык!

Ступив на родной порог,
Отряхнул я пыль нездешних дорог!
Ты — глаза родных и друзей,
Ты — улыбка мамы моей,
Ты — мой первый младенческий крик,
Каярлык,

Каярлык,

Каярлык...

ЧЕРЕМУХИ

Дождь отшумел.

И над Амуром

хмурым

Открылся

неба солнечный клочок.

Черемухи прозрели над Амуром:

Ведь в каждой капле —

солнце как зрачок!

Застенчивые дочери природы,

Вы так светло,

так нежно расцвели!

Ваш тихий шум

поймут без перевода

Влюбленные

на всех концах земли.

И я люблю.

Брожу и вспоминаю

О той,

что ждет

в далёком далеке,

И шорох ваш,

как шепот,

понимаю,

Алтаец —

на алтайском языке...

Если ж в горы, в тайгу не смят меня,
У кого заночую на этот раз?
В каждом доме есть у меня родня,
Род телесов — мой род — в годах не угас!

Все, как есть, про жизнь мою расскажу,
Узелки печалей моих —

развяжу

И пригублю с открытой, чистой душой
Чашу дружбы светлую — чоочой...

Каярлык!

Ступив на родной порог,
Отряхнул я пыль нездешних дорог!
Ты — глаза родных и друзей,
Ты — улыбка мамы моей,
Ты — мой первый младенческий крик,
Каярлык,

Каярлык,

Каярлык...

ЧЕРЕМУХИ

Дождь отшумел.

И над Амуром

хмурым

Открылся

неба солнечный клочок.

Черемухи прозрели над Амуром:

Ведь в каждой капле —

солнце как зрачок!

Застенчивые дочери природы,

Вы так светло,

так нежно расцвели!

Ваш тихий шум

поймут без перевода

Влюбленные

на всех концах земли.

И я люблю.

Брожу и вспоминаю

О той,

что ждет

в далеком далеке,

И шорох ваш,

как шепот,

понимаю,

Алтаец —

на алтайском языке...

Моей матери

Раз проснулся я: луна
У дверей — такая робкая!
Показалась мне она
Нашей белою коровкою.

Точно так она ждала —
Без мычания, без жалобы,
Чтобы ты к ней подошла,
Подоила, приласкала бы.

...Ночь синела, глубока.
Мне приснился голос матери
И парного молока
Кружка полная — на скатерти.

ДИАЛОГ

— Мама, скажи мне, мама,
какого цвета любовь?

— Наверное, алая, словно пламя,
алая, как весеннее знамя,
как юная в жилах кровь!

— Мама, скажи мне, мама,
счастье — какого цвета?

— Может быть, цвета молодого побега,
может быть, цвета первого снега,
Ищи — сам узнаешь это!

— Мама, скажи мне, мама,
правда — какого цвета?

— Как солнце, должно быть, она золотая,
как пчелы, что мед собирают, летая,
светит она и жалит — такая у ней примета!

— Мама, скажи мне, мама,
а ложь — какая на цвет?

— Она, как змея, что меняет кожу,
на все старается быть похожа,
собственного цвета
у нее — нет...

Дремлет мир под звездами большими,
Только я не сплю да ты со мной.
Тихо-тихо.

«Горные вершины, —
Вспоминаю, — спят во тьме ночной...»
Чуть курятся

синие отроги,
Птица на ветвях не засвистит,
И прямой,

по-лермонтовски строгий
«Сквозь туман кремнистый путь блестит». —
Где-то дети дремлют, разметавшись, —
Пусть к ним сны хорошие придут!
Где-то степи дремлют,

размечтавшись
О хлебах, которые взойдут.
Тишина,

свернувшись,
спит в бутонах,
И миры полночные горят.
Тихо-тихо.

Лишь сердца влюбленных,
Как звезда с звездой, говорят...

НОЧЬ ВЕСНЫ

Этой ночью весенней
Растут ли уснувшие дети?
Этой ночью весенней
Стареют ли старики?

Спят анлы, дома
В лунном призрачном свете,
Новостройки села,
Все проселки
И все большаки.

Но торопятся реки —
Весенние воды несут,
И деревья растут.
Значит, видно, и дети растут.

Но упрямый вопрос
Мне все чаще стучится в виски:
«А стареют ли все-таки
Ночью такой
Старики?»

НОЧЬ ВЕСНЫ

Этой ночью весенней
Растут ли уснувшие дети?
Этой ночью весенней
Стареют ли старики?

Спят аилы, дома
В лунном призрачном свете,
Новостройки села,
Все проселки
И все большаки.

Но торопятся реки —
Весенние воды несут,
И деревья растут.
Значит, видно, и дети растут.

Но упрямый вопрос
Мне все чаще стучится в виски:
«А стареют ли все-таки
Ночью такой
Старики?»

Дремлет мир под звездами большими,
Только я не сплю да ты со мной.
Тихо-тихо.

«Горные вершины, —
Вспоминаю, — спят во тьме ночной...»
Чуть курятся

синие отроги,
Птица на ветвях не засвистит,
И прямой,

по-лермонтовски строгий
«Сквозь туман кремнистый путь блестит».
Где-то дети дремлют, разметавшись, —
Пусть к ним сны хорошие придут!
Где-то степи дремлют,
размечтавшись

О хлебах, которые взойдут.

Тишина,

свернувшись,

спит в бутонах,

И миры полночные горят.

Тихо-тихо.

Лишь сердца влюбленных,
Как звезда с звездой, говорят...

НОЧЬ ВЕСНЫ

Этой ночью весенней
Растут ли уснувшие дети?
Этой ночью весенней
Стареют ли старики?

Спят анлы, дома
В лунном призрачном свете,
Новостройки села,
Все проселки
И все большаки.

Но торопятся реки —
Весенние воды несут,
И деревья растут.
Значит, видно, и дети растут.

Но упрямый вопрос
Мне все чаще стучится в виски:
«А стареют ли все-таки
Ночью такой
Старики?»

К. Т.

Если ты во сне увидишь,
Как сосна в росе искрится,
Знай, родная: это — слезы,
Те, что пролил я в тиши.
Если ты во сне услышишь
Дальний крик подбитой птицы —
Чутким сердцем догадайся:
Это зов моей души.

Если ты во сне увидишь:
На Семинском перевале
Снег не к сроку выпал—значит,
Поседел в разлуке я.
Если ты во сне увидишь
Белый путь, бегущий в дали,—
Значит, встретимся не скоро,
Ненаглядная моя.

Если ты во сне увидишь
Тихий холм моей могилы —
Не пугайся: это — к долгой
Жизни, говорят, как раз.
Если ты во сне увидишь,
Что очаг наш загасило,—
Ты не верь! Возможно ль, чтобы
Жар любви моей угас!

Женщина расчесывала ночь,
Стоя перед зеркалом.

А мимо

Проходило солнце.

Ах, к любимой

Приласкаться и оно не прочь!

Сквозь окошко потянулось косо,

В пряди позапуталось густой...

И вплела

моя

родная

в косу

Тонкий-тонкий лучик золотой.

ИЗ ЦИКЛА «ПОРТРЕТЫ»

1. ШОФЕР

Из Кош-Агача, где степи
лесу кричат: «Прощай!»,
возит Чуйков

машиной

груз

через весь Алтай.

Я встретил в пути, в Акташе,
шагая один пешком,
нагруженную машину,
высокую, словно дом.

— Садись! — пригласил в кабину,
дверцу открыв, Чуйков.

...Дорога подчас бежала
на уровне облаков.

По ребрам скал над Катунью
ползла машина, как жук.

И я спросил у шофера:

— Послушай, скажи мне, друг,
неужто не надоели
за весь твой рабочий век
извилистые дороги,
броды ручьев и рек?

— Когда свое дело любишь, —
водитель сказал в ответ, —
нет мыслей про «надоело»

и жалоб на «трудно» —

нет.

Жизнь — она не игрушка:

взялся — тяни, вези!..

Горы слева и справа

качались, будто весы.

Но вот уже и долина,
прямая дорога — вдаль.

Шофер сильнее, ровнее

давит на всю педаль.

— Скажи мне, русский товарищ, —

спросил я его в тот раз, —

давно ль ты крутишь баранку

на Чуйском тракте у нас?

— Еще до войны

впервые

в горном краю моем

Чуйского тракта нитка

мне стала поводырем.

Порой пролетал, как птица,

порой «загорал» — хоть плачь,

был путь мой то заметен,

а то — от солнца горяч.

от Кош-Агача до Бийска,

от Бийска на Кош-Агач!..

Трепещет флажок на кузове.

Лети, машина, гуди!

Еще у шофера долгий,

долгий путь впереди...

2. ВРАЧ

Мой сверстник, парень как парень,
утром сходит с крыльца.
Работа его такая:
слушать людские сердца,
мерить крови давление.
Словами — бодрость внушать.
Пульс в тишине считая,
за руку жизнь держать.

Ночью к нему посыльный
в дом стучался не раз:
— Помощи неотложной,
доктор,

мы ждем от вас!

В горах, где дороги выются
с тучами наравне,
люди его встречали
пешим и на коне.

Он начеку в любое
время

ночи и дня.

Это ведь только в песне —
«смерть подождет меня».

— На днях турист в Чолушмане
в горах под обвал попал, —
хмурится врач. — Не смог я
спасти.
Две ночи не спал...

И снова лицом светлеет:
— А вчера в поселке, друзья,
принимал я роды. Мальчишка!
Может, будет врачом, как я...

и жалоб на «трудно» —
нет.

Жизнь — она не игрушка:
взялся — тяни, вези!..

Горы слева и справа
качались, будто весы.

Но вот уже и долина,
прямая дорога — вдаль.
Шофер сильнее, ровнее
давит на всю педаль.

— Скажи мне, русский товарищ, —
спросил я его в тот раз, —
давно ль ты крутишь баранку
на Чуйском тракте у нас?

— Еще до войны
впервые
в горном краю твоём
Чуйского тракта нитка
мне стала поводырем.
Порой пролетал, как птица,
порой «загорал» — хоть плачь,
был путь мой то заметен,
а то — от солнца горяч.
от Кош-Агача до Бийска,
от Бийска на Кош-Агач!..

Трепещет флажок на кузове.
Лети, машина, гуди!
Еще у шофера долгий,
долгий путь впереди...

2. ВРАЧ

Мой сверстник, парень как парень,
утром сходит с крыльня.
Работа его такая:
слушать людские сердца,
мерить крови давление.
Словами — бодрость внушать.
Пульс в тишине считая,
за руку жизнь держать.

Ночью к нему посыльный
в дом стучался не раз:
— Помощи неотложной,
доктор,

мы ждем от вас!

В горах, где дороги выются
с тучами наравне,
люди его встречали
нешим и на коне.

Он начеку в любое
время

ночи и дня.

Это ведь только в песне —
«смерть подождет меня».

— На днях турист в Чолушмане
в горах под обвал попал, —
хмурится врач. — Не смог я
спасти.
Две ночи не спал...

И снова лицом светлеет:
— А вчера в поселке, друзья,
принимал я роды. Мальчишка!
Может, будет врачом, как я...

3. ШАХТЕР

*Лей Мухтазырову,
шахтеру из Акташа*

Живешь, товарищ, высоко в горах ты,
там, в облаках — твое жилье и шахта,
ты — в вышине
и вместе — в глубине...
Вот если б так

в поэзии —
и мне!

4. ЧАБАНКА

Я слышал, тетушка Тана,
что журналист один
Писал: на сессию в Совет
на лыжах шли вы с гор.
Другой по-своему приврал:
мол, в серебре седины
На «Волге» ехала Тана —
сама себе шофер.

Не будем слишком строю их
судить на этот раз:
Не видят в буднях красоты —
экзотика нужна!
Но я-то знаю: никаких
не надобно прикрас
Тем, кто красив своим трудом, —
вам, тетушка Тана!

Вот снова осень к нам пришла,
и ветры на лету
Врываются в лесную тишь,
сухой листвой шурша...

Как нынче летовалось вам
на склонах Қаргысту?
Зимовка над рекой Урсул —
да будет хороша!

Да, было отдано труду
так много долгих лет,
Так много пролетело дней
на горных выпасах...
И каждый снежный ураган
оставил белый след
В когда-то черных и густых
блестящих волосах.

Сиротство знать вам довелось
и горькую тоску,
Но труд чабанский выручал
вернее, чем родня.
Не всякий, может быть, поэт
столь много на веку
Дум передумал, сколько вы
ночами у огня.

Входить, как в воду, в облака
в подзвездной вышине,
Над краем пропасти крутой
отару гнать с утра —
Для вас привычные дела,
обычные вполне,
На что ж вам выдумки пустой
смешная мишура?

Вас любят все в родных горах,
нельзя вас не любить:
Душа у вас добра, чиста,
как песни наших гор...

А «Волгу», тетушка Тама,
желаю вам купить,
Уж если все-таки зашел
об этом разговор!

5. ОХОТНИК

Амыргушев Амыр —
Знаменитый охотник Алтая:
В рощах, в чащах, в ущельях
Он дома всегда и везде,
И осенние ветры,
По каменным склонам летая,
Любят греться порой
У Амыра в густой бороде.

Нет, наверно, сегодня
В горах, под луною рябою
Ручейка, из которого
Он не испил бы воды.
Волк, лиса и медведь
Меж следами других зверобоев,
В землю тычась носами,
Его
Отличают
Следы.

И пока вот сейчас
На ладонь он сыпает махорку
И табачные крошки
Желтеют у ног на снегу —
В зоопарках Москвы,
Ленинграда
И даже Нью-Йорка
Им плененные звери
Грустят,
Вспоминая тайгу.

Вот над барсовым следом
Он встал, головою качая:
«Барс хитер — я хитрее!
Не раз еще силы сравним!
Ишь ведь — в тыл подбирается...»

Так и живут, не скучая,
И охотятся так:
Он — за барсами,
Барсы за ним.

Раз идет Амыргушев
Охотничьей тропкой в тумане,
Чистый холод рассвета
Лицо человеку омыл.
Видит: барсова лапа
Торчит одиноко в капкане...
«Сам себе перегрыз!
Вот характер!» — дивится Амыр.

А кругом — тишина, —
С белых веток снежок не стрясется.
Хороша тишина!
Можно пить се долго и всласть.
Только вдруг над кустами
Взошла величаво, как солнце,
Морда снежного барса...
Прыжок — и борьба началась!

То Амыр наверху,
То — лесная седая зверюга.
Вот и кровь показалась.
В глазах — то светло, то темно.
Скачут елки вокруг.
Вся по кругу несется округа.

Барс метнулся —
И в ногу
зубами вгрызается,
но —

Изумленно скулит:
Непонятна, гладка, жестковата
Деревяшка в зубах!
С ней клыки совладать не сильны.
Нет ноги у Амыра:
Давно, в сорок третьем когда-то
Он оставил ее
В раскаленном капкане войны.

Черт, ружье отказало!
А зверь — передышки не даст,
Не протянешь руки,
Не предложишь по-доброму: «Мир!»
Значит, нож, выручай!
Снизу — в грудь зверя — р-раз!..
И лицо кушаком
Утирает охотник Амыр.

«Значит, все же не стар!
Значит, сила в руках не пропала!
Значит, зверя не раз
Одолеть еще в жизни смогу!..
Оседают кругом
Загустевшее облако пара.
Снежный барс, теплый барс
Остывает на смятом снегу.
И уже на усах
Замирают снежинки, не тая,
И опять тишину,
Словно белую книгу, читай...

Вот какие, представьте-ка,
Люди у нас на Алтае!
Вот какие, представьте-ка,
Звери у нас на Алтае!
Вот чем славен Алтай.

Приезжайте ко мне на Алтай!

Уеду я, уеду я,
Уеду в дальние края,
На самый край земного круга,
Хочу изведать белый свет,
И пусть за мной стремятся вслед
И взгляд врага, и слово друга!

Но в стороне, друзья, любой
Клянусь вам быть самим собой,
Таким, как вы меня знавали,
Останусь честным и прямым,
Вдыхать привычный горький дым
Костра на горном перевале!

На полуправду-полуложь
Не соглашусь, хоть к сердцу нож,
А если спор возникнет шумный —
Не стану мяться в стороне,
Чтобы сказали обо мне:
«Какой же он благоразумный!»

И потому в любом краю,
Где я свой лагерь разобью,
На каждом трудном повороте,
В счастливый час и в горький час
Друзья, похожие на вас,
Придут ко мне в конечном счете!

Уеду, милые друзья,
Уеду в дальние края,
Надолго с вами я расстанусь,
Но в край любой и в путь любой
Я сам себя возьму с собой,
Самим собой везде останусь!

Жестокий сон
Приснился мне,
Как будто я —
В чужой стране,

В какой стране —
Не знаю сам,
Но всем чужой
Брожу я там.

Скажу я: «Здравствуйте!» —
В ответ
Ни слова,
Ни улыбки
Нет.

Спрошу дорогу —
Но и тут
Мне не помогут:
Не поймут.

Не только люди
В той стране —
Предметы все
Чужие мне.

Все безымянные
И немые,
Как будто дразнят:
«Мы — не мы!»

Вхожу я в тень
В разгаре дня —
Тень убегает
От меня.

И жажды
Здесьняя вода
Не утолит мне
Никогда.

Не освежит
Язык во рту,
Как будто выпил
Пустоту.

Бежит собака
В стороне —
И вдруг
Завидно стало мне:
Она тут все-таки
Своя...

И в муках
Пробудился я.

Растаял мой
Постылый бред.
Но в сердце все ж
Какой-то след.

В моем окошке
Рассвело.
Родное вспомнил я
Село.

Как там давно я
Не бывал
И матушку
Не целовал!

Остатки сна
Прогнать хочу,
«Ах, мама, мама!» —
Вслух шепчу...

ДОРОГА И МЕЧТА

Куда бы ни шел, в какие
Меня ни влекло места —
Всегда впереди дорога,
Всегда впереди мечта!

Всегда впереди дорога, —
Извилиста иль пряма, —
До синего горизонта,
До рощицы, до холма.

Но там, за холмом положим,
За желтым вихром куста,
Опять впереди дорога,
Опять впереди — мечта.

А я все тянулся в дали,
Раскидывая умом:
А что там за горизонтом,
За рощицей, за холмом?

Но сколько бы ни старался,
Шаг торопя неспроста,
Была впереди дорога,
Была впереди мечта.

Все ж до сих пор надсюсь
Желанное обрести:
Постигнуть свой век. И время
Хоть раз обогнать в пути!

Но, может быть, так и надо,
И песня бессмертна та:
Всегда впереди дорога,
Всегда впереди мечта!

Лишь смежу от усталости взгляд —
Обступают алтайские горы.
— Как живешь ты? — они говорят. —
Помни, внук наш, — они говорят, —
Быть в хвосте — нет страшнее позора!

Лишь смежу от усталости взгляд —
И глаза твои чистые вижу.
— Как живешь ты? — они говорят. —
Бережешь ли, — они говорят, —
Счастье наше? Смотри, береги же!

На тебя и на горы гляжу,
И в ответ от волненья — ни слова...
А сегодня я все вам скажу,
Все, чем сердце полно, вам скажу —
Вы приснитесь, пожалуйста, снова!

КОНОВЯЗЬ В УРОЧИЩЕ КЫРЫШКАН

(Глава из поэмы «Коновязи»)

1

Тип-тип-тип — телетайп стучит,
Смотрят окна в синнюю тьму,
Рядом древний старик молчит —
Интересно слушать ему.
Я сегодня дома, в тепле,
Но, как пчелы в улей, сюда
Тащат вести о всей земле
Волны радио и провода.
До чего ж этот мир велик!
До чего же серьезен он!
Головой качает старик —
Он — в который раз! — поражен:
«Я алтаец, алтай-кижи,
Мог ли прежде мечтать о том,
Что однажды в ночной тиши
Целый мир я влущу в свой дом?»
Телетайп затих. В тишине —
Только чуточку помолчи —
Снова, снова слышится мне:
Плачут коновязи в ночи.
«В Кырышкане коновязь есть, —
Говорит седой старина. —

Про бесчестие и про честь
Рассказать могла бы она.
Знаешь, кто поставил ее,
Чьи зарубки на ней видны?

Так запомни слово мое:
В дни гражданской давней войны
Партизаном был боевым
Человек, чье имя — Кылыш.
Ты ведь помнишь его живым,
Ты ведь помнишь, хоть был малыш?..»

2

Да и впрямь — как не знать, как не помнить Кылыша!
Ветеран партизанский, в снегу седины,
В наш сиротский аил, под замшелую крышу
Приходил он однажды в начале войны.
Помню, мяса принес — подстрелил, мол, косую.
Говорил: все друг другу должны помогать!
И глаза его вдруг как-то влажно блеснули —
Лишь на миг..
А потом потускнели опять.
Он сидел у огня, тнул сутулую спину
(Был очаг разгоревшийся ярок и рыж)
И твердил: — Что-то писем все нету от сына,
Очень занят, наверно, на фронте Байрыш!—
И звучал его голос все тише и тише,
И сидел он, и слушал, как пламя шипит,
И зачем-то просил: — Верьте сыну Кылыша,
Сын мой вырос в седле, сын мой — храбрый джигит!
И опять проходили в молчанье минуты,
И седой партизан был на камень похож.
— Это ложь! — возражал он внезапно кому-то,
Отхлебнув араки. — Это гнусная ложь! —
И звучал его голос тише и тише,
Как по крыше — редющий цокот дождя.
— Верьте сыну Кылыша и слову Кылыша!—
Много раз повторил нам старик, уходя.

А слухи шуршали, как мыши,
 Тревожили сельскую тишь:
 — Милиция ищет Байрыша,
 Бежал с поля боя Байрыш...—
 Мне памятны те разговоры
 И лица моих земляков.
 Мне памятны

возле конгоры

Крестьянские сани.

С боков

Конвойные ружья сжимали,
 Суровы, как высшая власть.
 — Байрыша, Байрыша поймали! —
 По улице новость неслась.
 К саням — люди так и теснятся! —
 Пробился и я, наконец.
 Хотелось мне видеть, признаться:
 Каким он бывает, беглец.
 Весь черен, как будто от пыли,
 Среди снеговой белизны
 Сидел он, — и волосы были,
 Как волосы женщин, длинные.
 А солнце всходило все выше,
 Искрился под солнцем снежок.
 — Ну, как — верим сыну Кылыша? —
 Раздался жестокий смехок...

Подошла, заплакала, старуха Яичи:
 — Что, Байрыш, молчишь? Ну, молчи, молчи!
 Что сказать сегодня ты мог бы мне,
 У которой сын погиб на войне? —

Так промолвив, стерла слезы с лица
И — плюнула в лицо беглеца.
Вместе с ним на фронт уходивший Бурза:
— Посмотри, — сказал, — мне, Байрыш, в глаза!
Нас обоих видят вновь земляки,
Только я пришел без правой руки.
Что ж теперь, Байрыш? Что молчишь, Байрыш?
Что ж в глаза мои не глядишь, Байрыш?—
И кругом воцарилась жуткая тишь,
Когда к сыну хмуρο шагнул Кылыш.
Никогда он старым таким не бывал!
— Хорошо ли, сын мой, повоевал?
Ты — не сын, ты стыд мой! — сказал, поник
И заплакал — при всем народе — старик.
И к саям придвинулась вслед за ним
Молодая в ту пору вдова Бачим:
— Посмотри, бесстыжий, и на меня!
Дома плачет голодная ребятня!
Почему не пришлось тебе, лиходей,
Подавиться мясом коровы моей?..
Знает мир, что мудр мой горный народ,
Далеко умеет глядеть вперед,
Но и самый мудрый из наших людей
Предсказать бы не смог, что в один из дней
Будут сына Кылыша все проклинать,
Недобром дела его поминать:
Как от солнца в пещере лесной Байрыш
Хоронился, будто летучая мышь,
Как тайком бродил по тронам ночным,
Как зарезал корову бедной Бачим,
Как в своей пещере, от страха слеп,
Зарывал колхозный краденый хлеб!
Этот хлеб, когда наступила весна,
Протравив, пустили на семена,
Только это уже разговор иной...

Вновь тот день незабывый персдо мной.
Новый слух прополз в предвечерней мгле:
Старика Кылыша нашли в петле!..

5

Мы все в свой час уходим. И несут
Наш факел жизни дальше наши дети.
Ты сам, Кылыш, судил —
Жесток твой суд! —
Какой за сына мерой ты в ответе.
Как эта жизнь бывает непроста —
Не выпрямишь, начетчикам в угоду!
Ты мертв, Кылыш, — но кровь твоя чиста,
Которую ты пролил за свободу.
Есть кровь, семья, народ. Есть Время, Век.
Мы вместе все, и эта связь крепчает.
Но кто сказал, что каждый человек
Сам за себя ни в чем не отвечает?
Трус предает себя же самого,
Предав других. И в час его последний
Чужими отвернутся от него
И время, и народ тысячелетний...
И вновь стрекочет телетайпный зал
В приемнике, и под шуршанье ленты
Нам диктор популярно рассказал,
Чего, бастуя, требуют студенты
Во Франции,
 чем Рим живет,
 а мне
Мерещится, что явственно я слышу:
Вдали отсюда, в снежной тишине
Грустит и плачет коновязь Кылыша.

УЛЫБКА

Случается:

ты ошибся —

и этому сам не рад.

Случается: ты ушибся —

и в этом сам виноват,

О твердый угол эпохи

жестоко

локоть обжег...

И вот, работу закончив,

друзья собрались в кружок.

Они тебя обсуждают,

как ты обсуждал других,

Они тебя осуждают,

как ты осуждал других,

Они на тебя взирают,

безгрешны, светлы, чисты,

Они похожи на солнце

в сиянии правоты,

Они безупречно правы —

ты с этим согласен сам,

Они похожи на солнце —

и больно смотреть глазам!

И если ты свой характер,

гордясь, железным считал —

Он плавиться начинает,

упрямый этот металл.

Он плавиться начинает

на жарком огне таком.

Со лба тяжелая капля

падает

на протокол!

И сразу, словно преданья

давно отошедших лет,

Все доводы, оправданья

растают — пропал и след,

Ты попросту беззащитен,

ты сник, побледнел и стих,

Ты — словно в горах ягненок,

отбившийся от своих!

Стоишь на скрещенье взглядов —

и каждый, как штык, суров.

...Ты нишешь стихи почамн.

Ты знаешь тысячи слов,

А нынче из всех запасов

осталось тебе одна

Не слишком складная фраза:

«Простите, моя вина...»

Стемнело. Звезды над городом

горят, смеясь и дразня.

Подписаны протоколы.

Ушли по домам друзья.

И говор их оживленный

вдали, отзвенев, умолк.

Они бесконечно правы.

Они исполняют долг.

В добре и зле досконально

и честно разобрались

И всяческим частным, личным чувствам

не поддались...

Куда же теперь?

Скорее

домой, где печка тепла,

Туда, где такой привычный

уют родного угла.

Ты в дверь стучишь, и за дверью
слышится тишина,
Безмолвная, на пороге
тебя встречает жена.
Чем этакое молчанье,
уж лучше была б гроза!
Не разомкнутся губы.
Жестоко молчат глаза.
Молчат, обескрылев, плечи.
Молчит и молчит жена.
Как будто воздвиглась в воздухе
невидимая стена.
Куда же сердцу приткнуться?
Где обрести причал?
И вдруг в колыбели
ленет
младенческий зазвучал.
Проснулся твой сын!
Улыбка
не сходит с его лица,
Встречает он, несмышленыш,
тебя, своего отца.
Он тянется из пеленок,
словно цветок из трав.
К тебе —
и знать не желает,
виновен ты или прав,
Спокоен или взволнован,
силен или сломлен ты...
Он рвется к тебе,
он полон
доверья и теплоты!
...И голову над кроватью
усталую преклоня,
Я чувствую наконец-то,
что жизнь прощает меня,

Что можно начать сначала,
 новую взяв тетрадь,
Раздумывать, ошибаться,
 искать, находить, терять —
И вновь приходить к истоку!..
 Спасибо тебе, сынок!
Ты вряд ли понять сумеешь,
 как здорово мне помог.
Ты чмокаешь, засыная,
 беззубым и нежным ртом...
Сегодня не понимаешь —
 не важно, поймешь потом!

СОДЕРЖАНИЕ

Бег аргамака	3
Путь язычника-алтайца	5
Ночь в горах	6
Соль	8
Материнский подарок	10
«Часто я в снах моих вижу картину все ту же...»	12
Рожденные весной	15
«Не сомневаюсь: если...»	17
Весенний снег	19
Кадын-Бажи	21
Малый народ	23
У колыбели сына	25
В бессонную ночь	29
Письмо Николаю Рубнову	31
На осеннем рынке	34
«Душе всегда чего-то не хватает...»	36
Стихи о коне	38
Старик	40
«Я — горного кедра колючая ветка!..»	42
Слепой поэт	44
«Мой Алтай! Поклон тебе от сына!..»	46
Слезы	48
Голубой цветок	50
Знакомой синичке	52
«Я на землю раз прилег весной...»	53
«На тебя загляделся Алтай...»	54
«Осень. Пусто в горах. У бегущей воды...»	56
«Каярлык, Каярлык, Каярлык...»	57

Черемухи	59
«Раз проснулся я: луна...»	60
Диалог	61
«Дремлет мир под звездами большими...»	62
Ночь весны	63
«Если ты во сне увидишь...»	64
«Женщина расчесывала ночь...»	65
Из цикла «Портреты»	
1. Шофер	66
2. Врач	69
3. Шахтер	70
4. Чабанка	70
5. Охотник	73
«Уеду я, уеду я...»	77
Родина	79
Дорога и мечта	82
«Лишь смежу от усталости взгляд...»	84
Коновязь в урочище Кырышкан	85
Улыбка	90

Укачин
Борис Укачинович

БЕГ АРГАМАКА

Стихи и поэма

Редактор **М. Шаповалов**

Художник **Г. Басыров**

Художественный редактор **Б. Моккин**

Технический редактор **О. Ярославцева**

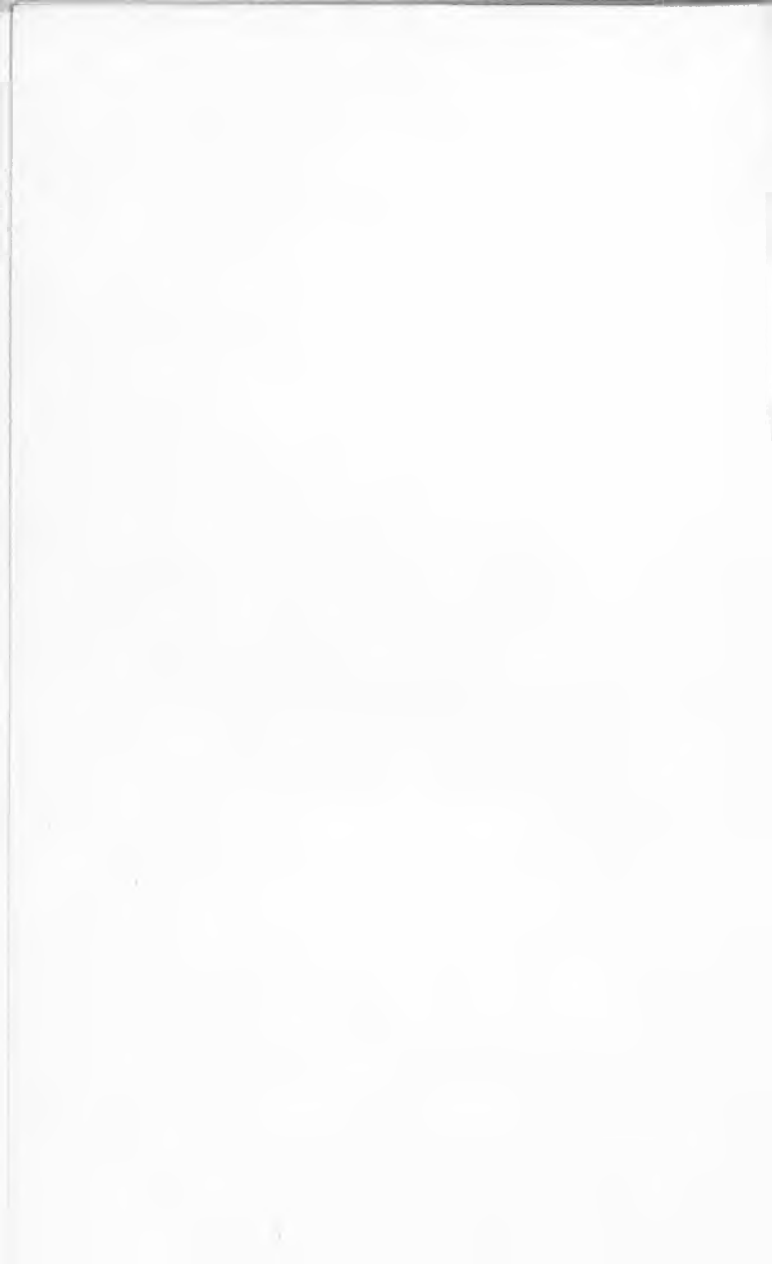
Корректор **О. Голева**

Сдано в набор 18/XI—1974 г. Подписано к печати 24/IV—1975 г. А05157. Формат изд. 70×90¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Печ.-л. 3. Усл.-печ. л. 3,51. Уч.-изд. л. 3,02. Тираж 7000 экз. Заказ № 4956. Цена 34 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Рязанская областная типография
г. Рязань, ул. Новая, 69

34 коп.